

Сна упоительная сладость...

Сознание уплывает... Спишь?
Наверное... Упали веки –
Не разомкнуть. Послушай! Шшш...
Открыты забытья отсеки:
Сон поднимается со дна
В броне из ракушек и тины.
Любая правда мне годна,
Я – муха ловчей паутины.
Мне снятся: деревянный свод,
Ажур перил, свет мезонина...
Рождается из плодных вод
Дрожащий клёкот клавесина.
Ступеней этих помню стук,
Их беломраморную крошку,
И бронзовой сонетки звук...
А тишина пушистой кошкой
Испуганно взлетает вверх
И приземляется на лапки...
Аккорд – отрывистый, как смех,
Отбросив войлочные тапки,
Сам изумился: «Не в плену?»
Подскоком робким о ступени,
С шуршаньем скомкал тишину
И юркнул в тёплые колени.
Мне снятся: гулкая весна,
Веранда, разговоров эхо,
От самовара пелена...
И ноты яблочного смеха
Поют на девичьих губах.
Тень лета, белый бант косы,
Блеск эполет... Всё было - так?
Да! – звонко. Нет... Спи, радость, тссс...

Девочке с синдромом Дауна

Она воспринимала мир, как зверь -
Оскалом рта, фарфор клычков ощерив.
Длину цепочки глазомером сверив,
Едва в зрачок приоткрывала дверь.

Впускала скудную шепоть молекул,
Неясных запахов в курносый нос.
Она катала их, как мячик пёс,
Прижмурясь и блестя глазами слепо.

Вот этот, как оранжевая смолка,
На цыпочках бежит от мандарина.
Его вдохнув, ощупала незримо,
Чихнула. Щиплет щёкотно и колко.

Он пахнет снегом, ёлкой... Добротою!
И свежей булкой, и немного мятой
Валокардина. Шмыгнув виновато,
Присела на пол, привалясь спиною...

Припомнила: ночь плачет тишиною
От ранящей ножом полоски света
Под дверью. И гудками (без ответа)
Мобильника. И сигарет тоскою.

В щель лезут разноцветные кусочки:
У двери коврик и ступеньки скол,
Спиц зонтика болезненный укол,
И в капельках камней ушные мочки.

Дверь – раковина оркестровой ямы.
Прижавшись к ней, расплющив ухо
Улавливает всё: звучащий глухо
Шум лифта, дребезжание упрямой

Оконной створки. Медленно и веско
Плывёт, пугая, тишина парадной.
Ступени помнят каблуки и рады
Всю гамму повторить. И неизвестность

Она, робея, слизывает с пальца,
Как капельку варенья с бутерброда.
Что там за дверью тихо бродит
И вышивает Мир в огромных пальцах?..

Дом

Сыграла реквием ключами
С трудом переступив порог.
Дом умирал. Один – в отчаянии,
С глухими ставнями молчания,
Он душу мне и память жёг...

Густое, вязкое – смолою
Безмолвие стоит в дверях.
Спят зеркала под пеленою:
Под чёрной, креповой тоскою –
Портал закрыт. Застыв в часах,

Две стрелки прокололи время,
Споткнувшись о последний вдох.
Тяжёлой медной гирьки бремя
Повисло, сбросив цепи-стремя.
Мир затвердел в прощальном «ох»...

Цветы увяли, стебли в просинь
Ушли в предзимье за окном.
Дождь-плакальщик почти несносен.
Легла на подоконник осень.
Повисла смерть календарём.

Повисла барыней консольной
Бесформенная тишина –
Тоскливо-серая. Невольно,
На цыпочках, дорожкой сольной
Иду, держась за кромку сна.

Тягучий воздух, как завеса,
Настоянный на том кто жил:
Пот немощи, лекарств довесок
И запах нездоровья, резкий...
Дом горько плакал. Тихо выл

Несчастный домовый, и сердце
Страдало от тоски безмерной.
Так старец смотрит на младенца,
Сквозь слёзы, вспоминая детство.
Дом умирал собакой верной...

Купаюсь в радуге

Дождь отшумел, повесив бахрому
Стекляруса у старого крыльца.
У заспанного солнца пол-лица,
Упрятано за облака кайму.

Вкус воздуха, настоящего небом,
Сквозь форточку прохладой течёт
Вкуснейшим морсом. Больше не влечёт
Домашнее тепло, печеным хлебом.

Смеётся сад. Нога босая просит
Растоптанных калош. Летит плаща
Шуршащая, прозрачная праща.
И тело камнем на крыльцо выносит.

На землю рушусь с клёкотом, орлицы.
Расчесываю пальцами газон
В снежинках маргариток. И озон
Шампанским кружит. Разум суетится.

Вскачу, стопой зависнув на бегу.
Смятенье чувств. Лечу огромным глазом.
Окрашена - семью цветами сразу –
Тараню хрупкой радуги дугу!

Он

Стучали каблуки. Не думать чтобы,
Шаги считала: двадцать первый, сотый...
Судьба дышала самой высшей пробой –
Метрессой - где-то там за поворотом.

Лицом к лицу на узенькой площадке,
Обобранная взглядом, оглянулась.
Прищуром глаз запавших, беспощадных
Мне подарил себя. Я прикоснулась

К истории лица: разделу жёсткой
Усмешки губ; зрачок свинцом залитый;
Межбровие выводит на подмости
Лба грубо слепленные монолиты.

Отдельная глава – край подбородка,
Изогнутый струною арбалета.
Нос перебит. Параграф подворотни?
Мужские игры, что на кромке Леты?

Когда монетою - орёл ли, решка? -
Решается судьба. Всегда по краю
Такие. Нарочитые неспешно,
И смертоносные во всём. Я знаю

Ночь глубоко запавших глаз. Сурова.
Лиловые сосуды век тяжёлых,
Морская рябь лица... Я не готова,
Но безрассудство оголяет жёлоб.

До тошноты, до тяжести трясучей,
До звона колокольного в затылок
Нас сводит воедино странный случай:
Глаза в глаза – мы армии без тыла.

Мы оба примиряем выраженье,
И нужное натягиваем зыбко...
Два зеркала, два точных отраженья,
Двух красных червяков ползёт улыбка.

Он слушал молча, не перебивая.
Не говорил нелепых слов натужных.
И гулкое молчание катая
На языке, с бесстрашием наружным

Вдруг дрогнул уголками губ – неслышно.
От слабости, почти неразличимой.
Пращюю голос просвистел... Одышкой.
И в кракелюры - треснула личина.

Поздравляю себя

Татьянин день плюс месяц Заморозил
Февраль Москву. Дорожек льдистый лак.
С рожденья гороскоп судьбу мне бросил,
Тавром клеймил, текучий рыбий знак.

Из гладкой чешуи уже не выбраться,
Предназначенья кожа холодна.
Ладонь-плавник не оставляет выбора,
И звёзд посыл, как чашу, пью до дна.

Вскипает кровь воображенье пеня,
Надежд икринка крутится в ногах,
Но гены серебристой, сонной лени,
Как перемёт в сведённых берегах.

Ах, рыбий век: лишь лёгкое движенье.
Стоять в струе, ловя губою ил,
И пуча глаз на солнца отраженье
Не сетовать на то, что и не жил,

А подчинялся мерному теченью.
Его упругой силой, как вожжами
Насмешку пряча правит провидение,
В руках тасуя наши судьбы с вами.

Вся мудрость жизни не просить что хочешь,
А то, что может высшая награда.
И, осеня лоб, едва лопочешь:
«О, Господи, мне дай лишь то, что надо».